

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 808.1; 82.08

Ю. Ю. Афанасьева

ТВОРЧЕСТВО М. С. ЖУКОВОЙ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ 30–50-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Проза Марии Жуковой представляет собой добротную беллетристику, которая обогатила русскую литературу 1830–50-х гг. новыми коллизиями и сюжетами, способствовала накоплению психологических приемов изображения внутреннего мира человека, и в особенности женщины. Ее творческие усилия способствовали проникновению в общественное сознание мнения о женщине как наиболее чутком выразителе эпохи. Вместе с другими талантливыми представительницами «женской» литературы она способствовала изменению общественного мнения о роли и назначении женщины.

Ключевые слова: *женская проза, гендер, беллетристика, литературный процесс.*

К началу 40-х гг. XIX в. имя Марии Жуковой было достаточно известно: ее повести печатались во всех популярных журналах, а сборники «Вечера на Карповке» и «Повести Марии Жуковой» выдержали два переиздания. Шумный успех и положительные рецензии не могли не вызвать волну своеобразных подражаний, заимствующих идеи, сюжеты, а иногда даже названия ее повестей.

К таким подражаниям можно отнести творчество М. М. Воскресенского (1803–1867), весьма плодовитого писателя XIX в., выпустившего за сорок лет своей литературной деятельности около пятидесяти томов сочинений и переводов. Получив медицинское образование, он всю свою жизнь прослужил штаб-лекарем и медиком императорских театров, но ни строчки не написал по своей специальности. Воскресенский начал с переводов романов В. Скотта, а затем на волне пушкинского успеха выпустил анонимно роман в стихах «Евгений Вельский» (1830), неудачную пародию, скорее подражание «Евгению Онегину», в котором, переняв онегинскую строфу, не смог заполнить формы содержанием.

Овладев сюжетной схемой романтической повести и структурой физиологических очерков 1840-х гг., он поставил на поток свои романы, выходившие с удивительным постоянством, имевшие громкие названия и запутанную интригу. В словаре Брокгауза и Ефрона творчеству М. Воскресенского посвящены следующие строки: «Романы Воскресенского, бьющие на эффект своим заглавием, принадлежат к разряду “страшных” и “интересных”; главный признак их мелодраматичность, сложность интриги, совершенная неестественность лиц и аффектированность слога» [1, с. 244].

Критически относился к творчеству Воскресенского и Белинский. После выхода его пьесы «Утро после бала Фамусова, или Все старые знакомцы» (1844) он написал едкую рецензию: «Есть люди, которые думают, что успех произведения основывается не на

внутреннем его достоинстве, а на счастливо придуманном заглавии. Придираясь к произведению, имевшему огромный успех, они берут его заглавие и имена действующих в нем лиц и смело сочиняют страшную нелепость» [2, с. 329]. Тот нравоучительно-развлекательный жанр, в котором работал Воскресенский, требовал законченности как точки, после которой уже сказать нечего. Только такое завершение сюжета, как смерть героя или его брак, в среде его почитателей считалось настоящим финалом произведения.

В 1841 г. в «Литературной газете» была опубликована повесть М. Жуковой «Сердце женщины». Через два года вышел объемный роман Воскресенского в четырех частях с одноименным названием. Чуть раньше, в 1839 г., была напечатана повесть писательницы «Самоотвержение» (в журнальном варианте), через год переизданная в сборнике повестей под названием «Самопожертвование». В 1844 г. из-под пера Воскресенского также выходит роман с аналогичным названием «Самопожертвование».

Если «мужской» роман «Сердце женщины» совпадает с повестью Жуковой только по названию, то второй роман «Самопожертвование» откровенно копирует многие сюжетные ситуации из популярного произведения писательницы. П. Н. Кудрявцев, выступавший в «Отечественных записках» литературным критиком в 1839–1845 и 1849–1857 гг. и одновременно публиковавший там свои повести («Звезда», 1841; «Цветок», 1841; «Без рассвета», 1847; «Сбоев», 1847 и др.), без сомнения, был знаком с произведениями Жуковой, печатавшейся также в этом журнале. Он рецензировал и многочисленные романы, выходившие из-под пера Воскресенского.

По мнению П. Н. Кудрявцева, беллетрист использовал заголовок произведения Жуковой «Сердце женщины» как «рекламный» трюк, ведь его запутанный текст не раскрыл в полной мере замысел произведения. Как замечает критик, роман Воскресенского со-

всем не соответствует заявленному названию: «Напутав разных путаниц, длинных разговоров, нейдущих к делу, несбыточных происшествий, не относящихся к роману, глубоких мыслей, взятых напрокат из азбук и прописей, сочинитель напечатал книжку в четыре части, в полной уверенности, что это – роман и что он раскрыл в нем “сердце женщины”». Кудрявцев иронизирует, что роман «поспел вовремя – к марьявской ярмарке, а уж там он найдет себе и покупателей и читателей» [3, с. 44–45].

Размышляя о романе Воскресенского «Самопожертвование» (1844), Кудрявцев отметил, что он написан, как и прочие произведения этого автора, языком грамматически правильным, «фразы положены гладко, все периоды построены чинно», но для таланта мало твердого знания и хорошо «набитой» руки. «Мысль, которая лежит в его основании, если хотите, вовсе не глупа: она даже, наверное, была бы очень умна... если б нам рассказал ее просто талант» [4, с. 65].

В своем романе М. Воскресенский использовал сюжеты сразу двух произведений М. Жуковой: повести «Самопожертвование» (1840) и романа «Две сестры» (1843). Беллетрист развивает сюжетную ситуацию бедной воспитанницы, пожертвовавшей честью ради спасения своей благодетельницы, которая принимала в отсутствие мужа своего возлюбленного. Автор усложняет интригу. Вместо тетушки-благодетельницы у него изображена родная мать, дочь которой, взяв на себя ее вину, спасает ее от позора и гнева раздраженного мужа. Она жертвует собой дважды: сначала выйдя замуж за любовника своей матери, и потом, когда, овдовев, вновь решается выйти замуж, но теперь уже по любви. Узнав, что ее жених влюблен в ее побочную сестру, она совершает акт самопожертвования и предоставляет влюбленным свободу. Похожий мотив присутствует в «Двух сестрах» Жуковой. Воскресенский еще больше «запутывает» интригу, когда выясняется, что побочная сестра главной героини – плод любви ее матери и любовника. Таким образом, предприимчивый литературный «мастерской», умело используя известные сюжетные схемы, создает жанр развлекательного семейного чтения, где основная идея самопожертвования низводится на уровень мелодраматического сюжета.

Кудрявцев был хорошо знаком с творчеством Жуковой. Как критик, он постоянно публикует свои статьи не только в «Отечественных записках» (с конца 1830-х), но и в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» и «Литературной газете», где также печатались произведения писательницы. В 1845 г. в «Отечественных записках» под псевдонимом А. Нестроев было опубликовано произведение Кудрявцева «Ошибка. Драматический анекдот». Совпадение в названии с повестью Жуковой не случайно, так как внимательный анализ показывает факт не литературного заимствования, а, скорее, идейного диалога со всем творчеством автора-женщины. На это указыва-

ет не только одноименное название и сходство сюжета, но и отсылка к предшествующему произведению «Самопожертвование» (1840), название которого выделено курсивом в тексте Кудрявцева. Именно эти два главных мотива – самопожертвования и ошибки – будут переосмысливаться им на собственном литературном материале.

Сюжет его произведения построен на любовном треугольнике, в центре которого находится художник Жорж, к которому испытывают сильные чувства две женщины: молодая вдова Ленц и юная девушка Лида. Мадам Ленц, чтобы предотвратить брак героини с нелюбимым ею человеком, жертвует своей любовью к Жоржу и уговаривает его жениться на Лиде. В подтексте произведения явно присутствует мотив самопожертвования, но Кудрявцев не случайно называет его «Ошибка». Всем развитием сюжета он размышляет над тем, насколько оправданно это самопожертвование, так как, возможно, брак Ленц и Жоржа был бы более счастливым. У Жуковой этот заголовок повести тоже является полемичным: после предательства любимого Полина уходит в монастырь, но ее жертва напрасна, потому что ее возлюбленный верит светскому злословию, быстро забывает о Полине и скоро появляется в большом свете, где про него говорят, что «если он станет служить да выгодно женится, так пойдет далеко» [5, с. 244].

В 1846 г. в «Отечественных записках» была напечатана повесть с названием «Ошибка» и другого критика этого журнала – А. Д. Галахова. С 1837 г. он активно сотрудничал в изданиях А. А. Краевского и за девять лет (1839–1848) написал около девятистот статей и рецензий. Вероятно, он был знаком с творчеством М. Жуковой. В 1840-х гг. он пробует свои силы в беллетристике, опубликовав на страницах журнала четыре повести, одна из которых называлась «Ошибка. Случай, или пролог повести» (1846).

Произведение занимает всего около семнадцати страниц. Совпадение в названиях указывает на возможную преемственность этой темы, заявленной Жуковой еще в 1841 г. Небольшой объем текста не раскрывает в полной мере замысел автора, а только намечает интригу. Сюжет повести строится на взаимоотношениях главной героини и рассказчика, которых связывает чувство взаимной симпатии и уважения. Тем не менее их брак оказывается трагической ошибкой. По мнению автора, в жизни человека действуют слепые иррациональные силы, влияние которых человек не может ни предугадать, ни предотвратить. Таким образом, счастье или несчастье, считает рассказчик (а вместе с ним и автор), зависит от случайности.

Ранее опубликованная повесть Галахова «Старое зеркало» («Отечественные записки», 1845) обнаруживает тот же мотив «ошибки». Он является движущим элементом сюжета, центром которого является роковая ошибка главного героя в выборе жены. Ав-

тор вносит в любовную коллизию роман-тические мотивы: трагическая предопределенность этой ошибки была открыта герою в результате гадания на картах. В то же время в образе провинциальной героини Лизы, несомненно, чувствуется влияние «женской» прозы (в частности, повести Жуковой «Самопожертвование», где главная героиня тоже названа Лизой). Героиня Галахова, дочь небогатого помещика, несмотря на окружающий ее мещанский быт, мечтает о разумной, основанной на справедливых законах жизни. В письме к своей приятельнице она развивает мысли о необходимости изменения окружающего ее мира: «Я ничего не понимаю, что делается около меня. <...> Здесь живут не так, как надобно жить. В этом уверяют меня и природа, и внутренний голос чувства, и слова спасителя. <...> Человек забывает нравственный, высочайший закон, который велит ему находиться в мире с ближними, любить их, как самое себя. Но где же этот мир и любовь? Где братские между ними отношения? Я не вижу их в нашем доме, не вижу в нашем селе, не вижу и в других селах и деревнях?» [6, с. 53].

Катя, главная героиня другой повести А. Д. Галахова «Превращение» (1847), также не удовлетворена окружающей ее действительностью. Переосмысление своей жизни и склонность к размышлениям в ней пробудил учитель с прогрессивными взглядами (подобный мотив пробуждения Пигмалионом «спящей» Галатеи был ранее заявлен Жуковой в романе «Две сестры», 1843). Через внутренний монолог автор показывает постепенную нравственную эволюцию молодой девушки. Она думала об однообразном течении своей жизни, в которой засыпаешь без особых надежд на завтра и просыпаешься без особых воспоминаний о прошедшем дне. «Что это такое? Жизнь или сон?.. Если сон – когда же пробуждение? Если жизнь – стоит ли жить?» [7, с. 138].

Заслуживает внимания и литературный «диалог» М. Жуковой и Е. Ган. Писательницы были знакомы друг с другом, а Жукова поддерживала также дружеские отношения с Е. П. Фадеевой – матерью Е. Ган. Через два года после выхода цикла Жуковой «Вечера на Карповке» (в состав которого вошла и повесть «Медальон») в «Библиотеке для чтения» была опубликована повесть Е. Ган с одноименным названием «Медальон» (1839). Сохранив ключевую сюжетную деталь – медальон, писательница наполняет ее другим смыслом. Если у Жуковой это свидетельство неразделенной любви, тайна женского сердца, то Ган делает медальон орудием мщения, главным элементом развязки. За девушку, ослепшую от слез из-за вероломства коварного светского человека, мстит ее сестра. Она увлекает его тонким кокетством, влюбляет в себя и, когда он готов на все, даже жениться на ней, отказывает ему. При многочисленном обществе она читает ему будто бы сочиненную ею повесть, а на самом деле историю его преступного поступка с ее сестрою,

открывает медальон и показывает ему портрет его жертвы. По словам В. Г. Белинского, «модный изверг, смущенный и взбешенный, вполне почувствовал ядовитую горечь женского мщения...» [8, с. 659].

Возможно, влияние Жуковой ощутимо и в повести Евгении Тур (псевдоним Е. В. Салиас де Турнемир), опубликовавшей в «Современнике» свое первое произведение с уже знакомым читателям названием «Ошибка» (1849). Изображая известный сюжет о разрушенной любви юноши из богатого дворянского рода и простой девушки, писательница сосредоточивает свое внимание на характеристике главного героя. Она дает его глубокий социально-психологический портрет, отмечая неспособность мужчины любить никого, кроме себя. В рецензии на роман Евгении Тур «Племянница» И. С. Тургенев так напишет о предшествующем произведении: «“Ошибка”, при всей своей новизне содержания, небрежности слога и несколько утомительных длиннотах, поразила всех своей искренностью, неподдельным жаром чувства, какою-то стремительностью убеждений и благородным мужеством души, оставшейся юной под ударами горя, не впавшей в болезненную грусть» [9, с. 477].

Позднее в «Отечественных записках» появится повесть Е. Тур «Две сестры» (1851), совпадающая с одноименным романом Жуковой не только по названию, но и по сюжету. В то же время писательница изменит финал произведения, доведя до абсурда идею самопожертвования, заявленную Жуковой. И. С. Тургенев, внимательно следивший за ее творчеством, в своих рецензиях будет критиковать ее за этот сюжетный ход, считая «ложной» основную мысль этой повести – отказ старшей сестры (Елены) от любимого ею и любящего ее человека ради младшей сестры (Иды), в свою очередь полюбившей его тоже. У Жуковой же в романе дано психологически убедительное разрешение этого любовного треугольника, в котором Машенька жертвует своим чувством, предоставляя влюбленным свободу.

Первым крупным прозаическим произведением М. Л. Михайлова (поэта, переводчика, прозаика, публициста, близкого к кругу Н. Г. Чернышевского), стала повесть «Адам Адамыч» (1851), опубликованная в журнале «Москвитянин». В центре повести бесконечно грустный образ учителя немецкого языка, который вызывает сочувствие младенческой чистотой своей души, не понятой в среде бездуховного, пошлого барства. Автор понимает творческие порывы героя, его безответную влюбленность, подчеркивает его одиночество, неудовлетворенную потребность общения с близкими по духу людьми. М. Л. Михайлов изображает Адама Адамыча человеком чувства, ценителем женской красоты, гармонии природы. По своим душевным характеристикам этот герой сближается с созданным Жуковой образом учителя музыки Карлом Адамычем («Дача на Петергофской даче», 1845).

Психологический «близнец» учителя музыки Карла Адамыча появляется и в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1858) в образе немца-музыканта Лемма. Возможно, в создании этого героя писатель использует открытия предшествующей «женской» прозы, в том числе и М. Жуковой. По мнению критики, лучшие страницы этого произведения посвящены Лемму: «Удивительным по силе и оригинальности характером романа является старый немец-музыкант Лемм, поистине рембрандтовский портрет чопорного и раздражительного старика, охваченного запоздалым огнем поклонения и искренней преданности художника к своей необыкновенной ученице. Сцены, изображающие напряженное состояние Лемма... его волнение, сжатые губы, когда он берет первые аккорды на фортепьяно, неудача, явившаяся следствием сложности и запутанности его мысли, его отчаяние, а затем триумф, когда однажды ночью он в едином порыве страсти выражает в музыке свою душу, — являются одними из лучших эпизодов романа» [10, с. 145].

Интересно, что Л. Н. Толстой, по-своему откликаясь на обсуждавшийся в обществе «женский вопрос» о положении женщины в семье, ее праве на личную независимость и свободу, в романе «Семейное счастье» (1859) предоставил судить об этом женщине, рассказавшей опыт своей жизни. Это произведение во многих отношениях обнаруживает усвоение писателем предшествующей «женской» прозы (прежде всего повестей Жорж Санд «Жак» и М. Жуковой «Суд сердца»). Гуманный и деликатный муж предоставляет жене в браке полную свободу, но молодая женщина плохо пользуется своей независимостью. Она доходит до грани падения, семейное счастье и любовь супругов подвергаются серьезным испытаниям. Весь роман представляет собою своеобразный спор двух точек зрения и двух сознаний. Внимание автора сосредоточивается на «эволюции» характера

героини. Он рисует постепенное формирование нравственных убеждений и духовного мира женщины, которая проходит сложный путь противоречий и разочарований.

Таким образом, можно говорить о том, что повести Жуковой, публиковавшиеся в самых популярных периодических изданиях 1840-х гг. («Библиотеке для чтения», «Отечественных записках», «Современнике»), оказали заметное влияние на журнальную прозу того времени. Многие писатели (Н. А. Некрасов, П. Н. Кудрявцев, А. Д. Галахов, И. И. Панаев и др.) одновременно являлись сотрудниками и рецензентами этих журналов и, следовательно, были знакомы с ее творчеством. Так, хвалебные слова о творчестве М. С. Жуковой прозвучали и от Н. А. Некрасова в «Литературной газете» в 1844 г.: «Всемирно известное прекрасное дарование этой писательницы, пишущей так тепло и увлекательно, с изяществом и грацией, какую встретите не у многих наших писателей. Ее повести согреты всегда чувством истинным и глубоким и составляют одно из любимейших чтений русской публики» [10, с. 422].

Кроме того, в беллетристике более явно прослеживались те тенденции, которые позднее закрепились в «большой» литературе. Некоторые инновационные коллизии, образы главных героинь «женской» прозы дали импульс для создания произведений и писателей «первого» ряда. В конце 1840–50-х гг. значительно меняется сюжестика и характерология в произведениях И. А. Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»); И. С. Тургенева («Дворянское гнездо», «Ася», «Первая любовь» и др.); Л. Н. Толстого («Семейное счастье»); А. И. Герцена («Кто виноват?», «Сорока-воровка»); Ф. М. Достоевского («Бедные люди», «Белые ночи», «Неточка Незванова» и др.). Во многом это происходит под влиянием «женской» литературы, в том числе и прозы Жуковой.

Список литературы

1. Воскресенский М. // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. VII. С. 244. Подпись: М. М.
2. Белинский В. Г. «Утро после бала Фамусова, или Все старые знакомцы» М. Воскресенского // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1954. Т. VIII.
3. Кудрявцев П. Н. «Сердце женщины» М. Воскресенского // Отечественные записки. 1842. Т. XXIII. № 8.
4. Кудрявцев П. Н. «Самопожертвование» М. Воскресенского // Отечественные записки. 1844. Т. XXXVII. № 12.
5. Жукова М. С. Ошибка // Библиотека для чтения. 1841. № 10. Отд. 48.
6. Галахов А. Д. Старое зеркало // Отечественные записки. 1845. № 9.
7. Галахов А. Д. Превращение // Современник. 1847. № 7.
8. Белинский В. Г. Сочинения Зенеиды Р-вой // Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1958. Т. VII.
9. Тургенев И. С. Племянница. Роман, соч. Евгении Тур // Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1980. Т. 4.
10. Галаган Г. Я. «Дворянское гнездо». «Spectator» о переводе В. Рольстона // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.–Л., 1966. Т. II.

Афанасьева Ю. Ю., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, г. Томск, Россия, 634061.
E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 12.01.2009

Yu. Yu. Afanasjeva

CREATIVE WORK OF M. S. ZHUKOVA IN LITERATURE PROCESS OF 30–50 YEARS OF XIX CENTURY

Prose of Maria Zhukova represents high quality fiction, which enriched Russian literature of 1830–1850 years by new collisions and plots, contributed to accumulation of psychological devices of picturing inner life of a person and especially woman. Her creative efforts contributed to entering the opinion about a woman as most sensitive spokesman of the epoch into social consciousness. Together with other talented representatives of “female” literature she contributed to changing of social opinion about role and purpose of a woman.

Kew words: *female prose, gender, fiction, literature process.*

Afanasjeva Yu. Yu.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: vestnik@tspu.edu.ru